

В свои полновесные шестьдесят семь поэт Валентин Берестов продолжает, кажется, сохранять вечную молодость: бодр и весел, и джинсов, и походка его упруга, несмотря на неюношескую уже фигуру. И — неизменная счастливая улыбка как неотъемлемая часть образа, жизненной сути. Не знаю другого столь же улыбчивого человека: наверное, он и во сне постоянно улыбается.

**Валентин
БЕРЕСТОВ:**

Встреча клуб - 1995 - 24 авг - С. 7

«У нас весь народ ведет богемный образ жизни»

ги. Пальто демисезонное забыл весной, а спохватился только осенью — и уж, конечно, не найдешь, где тогда раздевался... Но по сравнению с тем, что я нашел, — баланс резко в мою пользу.

Мне больше всего нравятся не золотые вещи, не статуэтки, не нос новгородского корабля, не "Тритон с Пегасом" — рог для питья. Хотя все это очень приятно было находить. Но более всего — роспись во дворце Топрак-Кала, третий век нашей эры. Трудно было ее расчищать, тщательно закрепляя каждую чешуйку, ведь она уже сползла со стены. И когда расчистил — оказалось, что это орел под какой-то аркой, замечательный цветной орел. Это была, видимо, корона хорезмийского шаха Вазамара — но тут и другое. Они Вселенную видели как птицу. Болотная такая птица — это земля, а Жар-птица, летящая птица — это Вселенная, космос. И мне кажется, что я нашел Жар-птицу.

— Это дано не каждому... Вообще археологи, видимо, люди своеобразные?

— Член-корреспондент Академии наук Арциховский, руководивший Новгородской экспедицией (при нем были найдены берестяные грамоты), сказал, что всякий археолог обязан быть чудачком. Я говорю: "Тогда я точно археолог". А он: "Вы, Валентин Дмитриевич, чудак и без археологии".

Что-то я внес в археологический фольклор. Так, например, на раскопках в 1949-м профессор Граков поручил мне дать телеграмму в Запорожский музей. Он закупил каменных баб, половецких и скифских, у местных жителей — они ими двери сараев подпирали, использовали как гнет и так далее. А деньги в экспедиции истощились. И Граков дал мне такой текст: "Запорожье, музей. Еду каменными бабами, шлите деньги. Граков". Я пришел на почту, а мне говорят: телеграмму не примем — это шифровка. А какое слово смущает? Каменные. Ну снимите. Получилось: "Еду бабами, шлите деньги". Граков сказал: что ж вы наделали, я же стану героем анекдотов.

— Вы вступали в литературу в середине 50-х — кто вам тогда помогал?

— Рекомендации в союз мне дали Чуковский, Катаев и Андроников. Нас тогда вообще встретили очень хорошо: собирали нас, искали. Потом уже ничего подобного не было никогда — а мы почему-то были нужны старшим.

— Свежая кровь?

— Начиналась другая эпоха, и многим старшим писателям было интересно, что могут сказать молодые, которые в этой эпохе чувствовали себя естественно и нормально.

— От такого внимания у вас не было головокружения?

— И не могло быть. Потому что в Ташкенте в 1942-м, когда мне было 14 лет, я показал свои стихи Чуковскому, и он в сущности спас мне жизнь, увидев, в каком у ужасном виде — дистрофия... И я занимался там в Центральном Доме художественного воспитания детей вместе с недавно скончавшимся Эдуардом Григорьевичем Бабаевым. С Надеждой Яковлевной Мандельштам мы занимались английским языком, у Лидии Корнеевны Чуковской писали литературоведческие рефераты. А Надежда Яковлевна жила вместе с Анной Ахматовой — и мы ходили к ним на уроки английского, про который скоро, конечно, забыли. Мы постоянно общались с Ахматовой — и у меня с той поры нет никакого честолюбия, потому что ничего не может быть лучше этого.

Как-то мы засиделись допоздна. Мне предстояло уезжать из Ташкента, и я, поняв, что прощаюсь со Средней Азией, с изумительной ташкентской весной, написал стихи. Прочел их Ахматовой, и она сказала, что я поэт и что теперь все зависит от судьбы. А я сказал, что это лучший подарок мне ко дню рождения, который наступит через пять минут. И она сказала: "Тогда мы будем вас чествовать" — и приготовила бухарский плов с курагой. А вместо вина мы пили кофе. И лучше этого уже ничего не может быть...

— Это тоже идет от археологии. Арциховский в первой нашей экспедиции сказал, что в группе должны быть дежурный пессимист и дежурный оптимист. Первый должен всячески каркать, а второй — ожидать чего-то потрясающего. И оптимистом, не раздумывая, назначили меня. Вообще можно даже книжку написать и назвать ее "Записки дежурного оптимиста".

— Судьба вас за это качество вознаграждает: вот и в нынешнее непростое для литературы время вам удалось выпустить книжку.

— Да, взрослых стихов. А детские мои стихи давно уже не печатаются. Вернее, их издают только пираты, которые ничего не спрашивают, ничего не платят. Но у меня есть агентство — и оно до них добирается, взывает. И жена говорит: спасибо пиратам, если б не они — тебя как детского поэта совсем бы забыли.

— А вам легко общаться с детьми?

— Да, очень. Видите ли, все любят детей, но не все их уважают. А для меня они — такие же люди. И дети это чувствуют. Не то что я там какой-то свехороший — у меня еще профессиональный интерес к тому, что они говорят.

— А что вы у них можете почерпнуть?

— Все, что угодно. Дети до пяти лет — для них нет смерти, жизнь прекрасна. Они ждут только радости — и сами несут такую звонкую радость. Дети постарше — лиричны, любят сказки, умны. Некоторые психологи считают, что пик интеллекта — в 12 лет. Так что общаться с ними необыкновенно интересно. Я интуитивно чувствовал; а потом вычитал у Льва Толстого, что отрочество — возраст философии и ее негативной стороны — умствования. И когда мы знакомимся с каким-нибудь философским учением, нам кажется, что мы уже знали это раньше — потому что сами изобрели в отрочестве.

— А потом тупеет?

— Человек подрастает, вступает в общество, где есть разделение труда, и ему уже не нужно быть гениальным. Та система, которая должна ребенка образовывать, бьет его пыльным мешком из-за угла и отучает от гениальности. Он получает необходимый минимум знаний — и уже не может быть гением.

— Человеческий род живет по принципу самоуничтожения гениев?

— По принципу ограничения. Помните, у Пушкина в "Моцарте и Сальери": если бы все так чувствовали силу гармонии, то никто бы не пахал, не сеял, все предались бы вольному искусству. Боюсь, что нечто подобное произошло с нашей страной — мы все какие-то художники, все предаемся вольному искусству...

— В основном — пития.

— ...И всем народом ведем богемный образ жизни. Народ-богема — ну что это такое?

— А как вам нынешние времена?

— Меня врач-кардиолог спросила (я же перенес два инфаркта): "Почему я в последние годы не кладу вас в клинику на профилактику? Чем вы это объясняете?" Я сказал: свободой слова. Такая благодать, когда можно сказать то, что хочешь.

Мне не нравится, что так воруют и убивают. Раньше это было дело государственных служащих и государства: обокрасть народ или расстрелять за какие-то там взгляды. Теперь эту "обязанность" взяла на себя частные лица. У меня есть стихотворение:

*Где государством управляет ложь,
Там правдолюбец славен и хорош.
Где жуликам царить дана*

возможность —

прославится их противоположность.

Так водится, что парами идут

лжец с правдолюбцем,

с бескорыстным — плут.

Лжецы и правдолюбцы стали тише —

плут с бескорыстным занимают

ниши.

Сейчас самые известные люди — жулики. Когда наконец и убийц словят — они тоже будут очень известными. Но будут известны и те, кто их поймает. Это будут замечательные люди — дай Бог им наконец получить возможность это сделать.

— А как быть с поэзией?

— Когда-то переводчик Игнатий Ивановский сказал, что нужно сделать, чтобы поэзия была поэзией: ничего не платить и — полная анонимность. В каком-то смысле он был прав, и сейчас происходит нечто подобное.

Гостя принимал
Алексей ЕРОХИН.
Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА.

— Валентин Дмитриевич, я как-то слышал от вас историю про то, как вы попали в кроссворд. Поделитесь еще раз...

— Штука в том, что мне самому точно не известно, кто я: поэт-лирик, детский поэт, пушкинист, археолог, сказочник? И вот как-то в тюменском аэропорту я от нечего делать изучал номер местного "Комсомольца": и кроссворд решил, и даже ответы на предыдущий прочел. И вдруг среди них вижу: "12. "Кармен". 14. Тендряков. А 13-е — Берестов!" Мне стало страшно интересно: наконец-то узнаю, кто же я такой. Как-то ведь меня определили. С большим трудом раздобыл предыдущий номер газеты с вопросами кроссворда и прочел следующее: "12. Опера Бизе по новелле Мериме. 14. Советский писатель, автор проблемных повестей". А что же 13-е? "Персонаж "Повестей Белкина". Да, Алексей Берестов, герой "Барышни-крестьянки"...

— Укол самолюбия ощутили?

— Вы знаете — нет. Потому что я Пушкина так высоко ставлю... Просто показано лишний раз: не зазнавайся.

— А сами себя так и не беретесь определить?

— Нет. И не знаю, чем еще увлекусь: вдруг у меня еще есть время — и я сделаю что-то такое совсем непохожее на прежнее. Например, последние года два начал вдруг сочинять музыку на свои стихи и даже сам их спел.

Я Чуковского когда-то спросил: что мне делать, на чем остановиться? И он мне прислал письмо: мол, вы всегда будете переходить от науки к стихам, от стихов к прозе, от прозы — к детским (такое сокращение он употреблял), потому что таковы особенности вашей психики.

— А вам эти особенности не мешают?

— Конечно, мешают. Скажем, поэт сильно помешал археологу, но и археолог отвлекал поэта от его занятий. И репутация детского поэта ужасно мешает. Такая странная вещь: если человек написал стихи, которые понравились самым маленьким детям, то его уже как бы включают в серьезное общество.

— А вам не жалко было оставлять археологию?

— Разумеется, жалко. Но я честно доработал до сорока с лишним лет — уже давно был членом Союза писателей, а все махал лопатой и киркой, мел кисточкой пустыню по несколько месяцев в году. А потом уже писал об этом прозу и стихи.

— И какая находка больше всего запомнилась?

— Я много замечательных вещей держал в руках. Вообще говоря, я большой растяпа: терял паспорта, книги, всякие пропуска, день-